Глубокоуважаемому В. В. Солу[illegible]
на добрую память — авторъ
25 Янв. 1895.

О ВЗАИМНОМЪ ОТНОШЕНІИ ФИЛОСОФІИ и ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

РѢЧЬ,

произнесенная на годичномъ актѣ Кіевской духовной Академіи 26 сентября 1894 г.

35776

Д. Богдашевскаго.

БИБЛІОТЕКА
...ЬНОГО
...
Проверено 1985 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у. д, № 4.
1894.

0 1в

ПРОВ. 1958

Изъ журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ № 12, за 1894 г.

В
67

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
232
13

О взаимномъ отношеніи философіи и естествознанія.

Двадцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, именно въ 1872 г., нашъ покойный публицистъ К. Д. Кавелинъ въ своемъ сочиненіи „Задачи психологіи“ писалъ: „Философія въ полномъ упадкѣ. Ею пренебрегаютъ, надъ нею глумятся. Она рѣшительно никому не нужна. Нѣкоторые утѣшаютъ себя тѣмъ, что это направленіе пройдетъ. Трудно предсказывать будущее, но, судя по признакамъ, мало на это надежды,—никто не даетъ себѣ труда даже опровергать ее,—философія просто отброшена, какъ ненужная вещь“ [1]). Въ этихъ словахъ Кавелина фактъ преувеличивается, но несомнѣнно, что философія переживала тогда тяжелый кризисъ. Предшествующее двадцатилѣтнее господство матеріализма, опиравшагося на могущественный авторитетъ естественныхъ наукъ и потому такъ гордо поднимавшаго свою голову, немало задерживало философскую мысль, подавляло философскую продуктивность; философія изсякала, умолкала и только изрѣдка слышались смѣлые, самоотверженные голоса въ защиту ея угнетенныхъ

[1]) Задачи психологіи, С.-Петербургъ, 1872, стран. 3.

правъ [1]). Съ того времени произошли нѣкоторыя перемѣны къ лучшему въ умственной жизни запада и нашего отечества; матеріализмъ потерялъ кредитъ, и теперь, какъ извѣстная теоретическая доктрина, онъ не заслуживаетъ, кажется, и серьезнаго опроверженія. Нельзя, однако, сказать, чтобы положеніе философіи, какъ мы ее понимаемъ и какъ она, по нашему мнѣнію, и должна быть понимаема, съ того времени въ существенномъ измѣнилось. И теперь противъ философіи слышатся рѣзкіе голоса и голоса эти раздаются главнымъ образомъ подъ вліяніемъ естествознанія. Желаютъ или совершенно уничтожить самостоятельность философіи и потому говорятъ только о философіи „научной“ или „естественонаучной“; или же, оставляя мѣсто философіи, какъ самостоятельной области, вступаютъ съ нею въ рѣшительный разрывъ, такъ какъ считаютъ ее для себя совершенно излишнею и даже вредною. Цѣнится и уважается теперь такъ называемая „научная“ философія; о ней много говорятъ, много пишутъ; слово „позитивная философія“ не сходитъ почти съ устъ и стало для многихъ нѣкоторымъ идоломъ. Метафизическая же философія, т. е. философія въ собственномъ смыслѣ слова, отбрасывается, какъ ненужный, даже вредный баластъ, такъ долго отягчавшій человѣческую мысль; или же ее считаютъ, пожалуй, необходимою, неизбѣжною, но ни въ какомъ случаѣ не мирящеюся съ точною, положительною наукою. Такой взглядъ на философію очевидно основывается на неправильномъ пониманіи взаимнаго отношенія философіи и естествознанія, или знанія, опирающагося на научномъ опытѣ. На вопросѣ объ этомъ взаимоотношеніи,—вопросѣ, имѣющемъ,

[1]) О русской противо-матеріалистической литературѣ см. *Я. Колубовскій*, Философія у русскихъ (приложеніе къ переводу сочиненія Ибервега-Гейнце. Исторія новой философіи, С.-Петербургъ, 1890, стр. 548. 549. 581 и др.). Особенно вниманія заслуживаетъ статья покойнаго П. Д. Юркевича „Изъ задачи о человѣческомъ духѣ“, помѣщенная въ Трудахъ Кіев. духовной Академіи за 1860, кн, 4, стран. 367—511

какъ видно, громадную важность,—мы и позволимъ себѣ остановить ваше благосклонное вниманіе.

Время метафизической философіи, говорятъ, прошло и прошло безвозвратно. Философія эта ни для кого совершенно не нужна, ибо она занимается пустыми отвлеченностями, предметами, существующими только въ головѣ философа. Наше знаніе исчерпывается научнымъ опытомъ и этого знанія для насъ вполнѣ достаточно. Философія не есть что нибудь отличное отъ естествознанія, а тожественна съ нимъ, и если не теперь, то въ будущемъ непремѣнно составитъ съ нимъ одно. „Всякое истинное естествознаніе есть философія и всякая истинная философія есть естествознаніе“. Если представить дѣло научнаго опыта завершеннымъ, то для философскаго умозрѣнія не останется тогда вовсе мѣста: „положительная наука о природѣ и духѣ и есть философія природы и духа“. „Какъ не можетъ быть двоякой истины касательно одного и того же предмета, такъ не можетъ существовать и двоякой науки относительно одной и той же области знанія“. Философія просто только формулируетъ единство наукъ, сводитъ ихъ результаты, высшія обобщенія и этимъ ограничивается ея предметъ и задача [1]).

---

[1]) Такой взглядъ на философію, не различаясь въ существенномъ другъ отъ друга, проводятъ въ послѣднее время Спенсеръ (A system of philosophy, First principles, 1862, § 35 и дал.), Авенаріусъ (см. статьи его въ журналѣ Vierteljahrsschrift f. wissensch. Philosophie, издаваемомъ въ Лейпцигѣ съ 1877), Герингъ (System der kritischen Philosophie, Leipzig, 1874), Де-Роберти (L'ancienne et la nouvelle philosophie, Paris, 1887, p. 67. 68. 166. 175. 285 292; La philosophie du siècle, Paris, 1891, p. 43—56), Лесевичъ (Письма о научной философіи, С.-Петербургъ, 1878, стр. 21. 22. 65. 66. 92 и др.). Нѣсколько видоизмѣняютъ этотъ взглядъ Риль (Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма, переводъ Е. Корша, Москва, 1887), Паульсенъ (Einleitung in die Philosophie, 2 Aufl. Berlin, 1893), изъ нашихъ — Н. А. Иванцовъ (см. его статью „Отношеніе между философіей и наукой“ въ Вопросахъ философіи и психологіи, кн. 2, 23—60). Между естествоиспытателями указаннаго взгляда держится главнымъ образомъ Геккель (Generelle Morphologie der Organismen, 1866, Bd. 1, s. 67; Bd. II. s. 447). Ср. объ этихъ

Такому взгляду на философію, уничтожающему всякую ея самостоятельность, отрицающему всѣ ея положительныя права, мы противопоставимъ слѣдующія краткія, вполнѣ, кажется, вѣрныя соображенія.

Всякая положительная наука есть совокупность извѣстныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ по извѣстному, опредѣленному методу. Но ни одна положительная наука не рѣшаетъ существеннѣйшаго, важнѣйшаго вопроса: что такое само знаніе, и не можетъ его рѣшать, если не желаетъ выходить изъ своей области и запутывать своего собственнаго предмета. Вопросы о знаніи, его условіяхъ, нормахъ, предѣлахъ или границахъ, отношеніи знанія къ познаваемой дѣйствительности,—всѣ эти вопросы выходятъ изъ сферы естествопаучнаго знанія. Физикъ производитъ различные научные опыты, не спрашивая себя, что такое, по своему существу, опытъ,—предполагаетъ ли онъ нѣкоторыя апріорныя начала, или же нѣтъ, какіе предѣлы наблюденія, какія степени точности познанія. Химикъ изучаетъ тѣла, разлагаетъ ихъ на составные элементы и устанавливаетъ извѣстныя положенія, не рѣшая вопроса, касается ли его знаніе явленій, или же нѣкоторой вещи въ себѣ. И физикъ, и химикъ дѣйствуютъ такъ вполнѣ законно; они не терпятъ, пожалуй, ущерба для ближайшихъ успѣховъ своей науки отъ того, что не рѣшаютъ въ ней указанныхъ гносеологическихъ вопросовъ. Однако же наука вообще, наука, взятая въ своей цѣлости, ни въ какомъ случаѣ не можетъ игнорировать этихъ вопросовъ, ибо въ такомъ

взглядахъ на философію: П. Линицкій, Идеализмъ и реализмъ, Харьковъ, 1888; его же, Философія, какъ наука (Вѣра и Разумъ, 1894, кн. 4, стран. 151—176); Г. Струве, Введеніе въ философію, Варшава, 1890, стр. 128. 129 и др.; Н. Гротъ, Что такое метафизика (Вопросы философіи и психологіи, кн. 2, стран. 107—128); Kreyenbuhl, Die Bedeutung d. Philosophie f. die Erfahrungwissenschaften, 1885, s. 3. 4. 18; Desdouits, La metaphysique et ses rapports avec les autres sciences, Paris, 1880; Liard, La science positive et la metaphysique, Paris, 1879.

случаѣ она много теряетъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, назвать того человѣка вполнѣ разумнымъ, который совершаетъ извѣстныя дѣйствія правильно, цѣлесообразно, но не даетъ себѣ отчета во внутреннихъ основаніяхъ, пріемахъ и мотивахъ своихъ дѣйствій? Такъ и наука не есть вполнѣ сознательная наука, если отсутствуетъ изслѣдованіе самой умственной дѣятельности, которою она созидается. Тогда наука будетъ чисто догматическою наукою, не понимающею самой себя. Никто, далѣе, не можетъ отрицать, что методъ въ наукѣ великое дѣло; безъ правильнаго метода наука не можетъ сдѣлать ни одного шага впередъ; новѣйшее естествознаніе обязано своими поразительными успѣхами именно приложенію правильнаго метода къ изслѣдованію природы. Но выработка научныхъ методовъ, а особенно критика ихъ, путемъ возведенія ихъ къ принципіальнымъ началамъ, опять выходитъ за предѣлы естествознанія, ибо здѣсь мы оставляемъ почву опыта и становимся на почву умозрѣнія. Наука, значитъ, взятая въ своей цѣлости, не исключаетъ особой теоріи науки, или науки о самой наукѣ. Иное дѣло фактъ знанія, или совокупность такихъ фактовъ, а иное—изученіе самихъ условій этого факта, являющееся чисто метафизическимъ актомъ. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія философія есть самосознаніе науки, безъ котораго послѣдняя является необоснованною, и такимъ образомъ уже по тому одному философія получаетъ право на самостоятельное существованіе [1]).

Но нѣтъ, скажутъ, никакой нужды въ построеніи такой метафизической теоріи познанія. Фактъ знанія данъ, явленія

---

[1]) Цельнеръ, общій взглядъ котораго на философію далеко нельзя признать правильнымъ, во введеніи къ своему сочиненію „О природѣ кометъ“ убѣдительно доказываетъ на многихъ примѣрахъ, особенно же на примѣрѣ англійскаго физика Томсона, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ можетъ приводить естествоиспытателя отсутствіе уясненія имъ теоріи познанія (Uber die Natur der Cometen. Beitrage zur Geschichte und Theorie der Erkenntniss, 3 Aufl., Gera, 1886, s XXVI ff).

знанія существуютъ, а потому необходимо чисто эмпирически изучать этотъ фактъ, или эти явленія, устанавливать между фактами знанія соотношенія и выводить отсюда правила познанія, и этого вполнѣ достаточно; никакой рѣчи объ апріорныхъ условіяхъ познанія не должно быть; границы познанія опредѣляются самими фактами или явленіями знанія, а потому метафизическія положенія о предѣлахъ познанія также не должны имѣть мѣста [1]). Но разсуждать такъ о теоріи познанія значитъ собственно ничего не говорить. Вѣдь факты или явленія знанія изъ чего же нибудь вытекаютъ, чѣмъ нибудь обусловливаются, почему нибудь носятъ такой, а не иной характеръ, и значитъ вопросъ объ условіяхъ познанія—неизбѣжный вопросъ. Наше мышленіе, какъ орудіе познанія, дѣйствуетъ, обнаруживается, но дѣйствованія мышленія обусловливаются самою природою мышленія, которая поэтому необходимо должна быть изслѣдована. А такъ какъ природа мышленія не можетъ вся исчерпываться прикладною стороною мышленія, или фактическими его дѣйствованіями въ данное время, то для установленія теоріи познанія мышленіе должно рефлектировать на самое себя, не отрѣшаясь, конечно, при этомъ, а тѣмъ болѣе не вступая въ противорѣчіе съ фактическими своими дѣйствованіями. Теорія познанія не есть что нибудь совершенно предшествующее наукѣ, но она не можетъ быть признана и простымъ послѣдующимъ науки; какъ основывающаяся на умозрѣніи, не отрѣшенномъ, конечно, отъ фактическихъ дѣйствованій мышленія, она имѣетъ необходимо нормативный характеръ. Прибавка новыхъ фактовъ или явленій знанія, ко-

[1]) Нѣкоторые представители научной философіи избѣгаютъ даже выраженія „теорія познанія“, а говорятъ только о „теоріи познавания“, ибо научная философія должна, по ихъ мнѣнію, выяснить только эмпирическій процессъ образованія знанія. При этомъ не обходится безъ ссылки на Канта, котораго „Критика чистаго разума“ есть будто бы чисто психологическое изслѣдованіе познавательной способности.

торыхъ, само собою разумѣется, мы не можемъ предсказать, ничего не измѣнитъ въ нашей теоріи познанія, если только послѣдняя опирается на изученіи самой природы мышленія, ибо новые факты или явленія знанія будутъ обусловливаться тою же природою нашего мышленія; и наоборотъ, изслѣдованіе однихъ только фактовъ знанія не приведетъ ни къ какой настоящей теоріи познанія, ибо новые факты знанія всегда могутъ легко разрушить установленную такимъ образомъ теорію познанія. Сами защитники научной философіи говорятъ: „требуемое (наукою) высшее единство понятій должно быть свободно отъ противорѣчій, а между тѣмъ, при историческомъ развитіи спеціальныхъ наукъ, оно не можетъ не соединять въ себѣ такихъ противоположныхъ признаковъ, которые дѣлаютъ его дуалистическимъ. Такъ какъ дуализмъ этотъ, повидимому, принципіаленъ и включеніе его въ научное понятіе, долженствующее имѣть характеръ единства, неизбѣжно дѣлаетъ понятіе это противорѣчивымъ; то возможность устраненія можетъ явиться только какъ результатъ цѣлаго ряда попытокъ подвергнуть изслѣдованію, путемъ изученія принциповъ познанія, самые крайніе послѣдніе корни противорѣчія, какъ на почвѣ объекта, такъ и на почвѣ субъекта (Авенаріусъ)“. Всякому, кажется, очевидно, что такое изслѣдованіе принциповъ познанія, объекта познаваемаго и субъекта познающаго не можетъ быть произведено безъ умозрѣнія.

Разбираемый нами взглядъ на философію ясно предполагаетъ, что естествознаніе не можетъ ограничиваться простымъ изученіемъ и описаніемъ естественнаучныхъ фактовъ. Цѣль науки состоитъ не въ томъ, чтобы собирать и нагромождать факты, ибо въ такомъ случаѣ ученые, по мѣткому выраженію Бекона, уподобились бы муравьямъ, все сносящимъ въ кучу, а настоящая цѣль науки—объясненіе явленій или фактовъ. Естествознаніе, говорятъ, дѣйствительно не только изучаетъ явленія, но и объясняетъ ихъ. Вѣдь объяснять значитъ сводить частное къ общему, а это постоянно дѣлаетъ

положительная наука: для отдѣльныхъ явленій она устанавливаетъ законъ, затѣмъ послѣдній старается свести къ болѣе общему закону, который вслѣдствіе этого становится закономъ основнымъ и т. д. Все это, безъ сомнѣнія, такъ, но дѣло въ томъ, что находить для явленія законъ, подводить этотъ законъ къ болѣе общему закону не значитъ еще давать объясненіе въ собственномъ смыслѣ слова. Какъ бы мы ни подвигались далеко по лѣстницѣ явленій и законовъ, мы не поймемъ истинныхъ причинъ явленій и слѣдовательно не дадимъ имъ объясненія. Почему? Потому что наше объясненіе будетъ тогда неполнымъ, незавершеннымъ, будетъ предполагать нѣчто непознанное нами. Мы стремимся уразумѣть, что такое само явленіе,—исчерпывается ли имъ однимъ бытіе, или же есть нѣкоторая являющаяся сущность. Мы спрашиваемъ, что такое причинность, связывающая одно явленіе съ другимъ и гдѣ ея основа? что такое пространство и время, въ условіяхъ которыхъ познается нами всякое явленіе? что такое сила, движеніе и т. п.? Короче говоря, мы стремимся уразумѣть самыя объективныя предпосылки естествонаучнаго знанія. Наша мысль, кромѣ того, необходимо обращается на цѣлое міра и спрашиваетъ о его происхожденіи или его первой причинѣ, о его основаніи и назначеніи. Но такое знаніе, говорятъ представители „научной“ философіи, не достижимо для человѣка, и нужно ему довольствоваться познаніемъ относительнымъ, т. е. познаніемъ простой связи и преемства явленій. Легко, конечно, такъ говорить, но это значитъ совершенно опускать изъ виду всю важность, всю серьезность попытокъ человѣческаго ума къ пріобрѣтенію такого завершеннаго знанія. Допустимъ даже, что мы дѣйствительно „ограничены познаніемъ тѣснаго круга явленій, ихъ связи, преемства, что феномены и ихъ соотношенія составляютъ единственный предметъ точнаго знанія. Тѣмъ не менѣе необходима наука, доказывающая на основаніи неоспоримыхъ данныхъ, что все это такъ и не иначе, что феноменализмъ есть

истинное воззрѣніе на дѣйствительность, на реальный міръ. И феноменализмъ—метафизическая теорія, которая можетъ быть доказана научно только на основаніи методологическаго изученія соотвѣтственныхъ фактическихъ данныхъ и критическаго разбора противоположныхъ воззрѣній, слѣд. только на основаніи особой науки—метафизики" [1]).

Извѣстный естествоиспытатель Дюбуа-Реймонъ въ рѣчи „О предѣлахъ и границахъ естествознанія", произведшей въ свое время такъ много шуму, ясно доказываетъ, что естествознаніе не можетъ понять сущности матеріи и силы; это для него первая всегдашняя загадка. Что матеріи не принадлежатъ реально такія свойства, какъ цвѣтъ, звукъ, запахъ и т. п.,—ученіе вполнѣ признанное, которое никѣмъ болѣе не можетъ быть оспариваемо. Пространственно протяженное должно, конечно, имѣть опредѣленныя свойства, но изслѣдовать ихъ мы никогда не можемъ, ибо намъ даны въ матеріи только наши собственныя чувственныя воспріятія. Точно также намъ не извѣстна подлинная основа способа дѣйствія матеріи въ міровомъ механизмѣ, т. е. основа господствующихъ въ матеріи законовъ [2]). Второю всегдашнею загадкою для естествознанія останется, по мнѣнію Дубуа-Реймона, связь психическихъ явленій съ извѣстными физическими процессами, обусловленность первыхъ послѣдними. Не смотря на всѣ свои успѣхи, естествознаніе вовсе не сдѣлало шага впередъ въ объясненіи душевной дѣятельности изъ матеріальныхъ условій и никогда такого шага не сдѣлаетъ, такъ какъ останется навсегда непонятнымъ, почему извѣстный аггрегатъ атомовъ не безразличенъ къ тому, въ какомъ положеніи онъ находится и движется, въ какомъ положеніи онъ находился и двигался и въ какомъ положеніи онъ будетъ находиться и двигаться [3]). Къ

[1]) Г. Струве, Введеніе въ философію, стран. 121.

[2]) Reden von Emil Du-Bois-Reymond, erste Folge, Leipzig, 1886, s. 109—117.

[3]) Ibid. 116—123.

указаннымъ загадкамъ Дюбуа-Реймонъ присоединяетъ еще двѣ слѣдующія: 1) происхожденіе или начало движенія и 2) свободу воли. Такъ какъ мы можемъ представлять матерію въ покоѣ и движеніе ея является чѣмъ то случайнымъ, для чего въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нужно указать достаточное основаніе; то естествознаніе, очевидно, должно опредѣлить это основаніе перваго движенія матеріи. Но оно не въ силахъ этого сдѣлать, какъ не въ правѣ, съ другой стороны, представлять матерію и вѣчно движущеюся [1]). Свобода воли для всякаго, кто не желаетъ ее считать простымъ субъективнымъ призракомъ, также—великая загадка, такъ какъ естествознаніе учитъ, что сила, какъ и матерія, не можетъ ни возникать, ни уничтожаться, что состояніе въ данный моментъ всего міра и человѣческаго тѣла въ частности есть безусловный механическій результатъ состоянія въ предшествующій моментъ и, въ свою очередь, служитъ такою же безусловною причиною состоянія въ слѣдующій моментъ [2]).

Таковы, по мнѣнію Дубуа-Реймона, загадки естествознанія. Хорошее, какъ видимъ, во многихъ отношеніяхъ опроверженіе матеріализма, ссылавшагося въ свое время на авторитетъ естественныхъ наукъ. Но что слѣдуетъ изъ этихъ загадокъ, Дюбуа-Реймонъ не договариваетъ. Можемъ ли мы остановиться на томъ, что эти загадки естественнонаучнымъ путемъ не разрѣшимы, сказать твердо: ignoramus et ignorabimus и на этомъ успокоиться? Ни въ какомъ случаѣ. Тутъ со всею очевидностью открывается, что наука прямо наблюдаемыхъ отношеній никогда не удовлетворяетъ человѣка и напрасно стараются приковать нашъ умъ всецѣло къ положительному знанію. „Никогда духъ не удовлетворяется пассивнымъ отраженіемъ, подобно стоячей водѣ, явленій, которыя ему даютъ положительныя науки“. Человѣкъ по природѣ метафизикъ;

---

[1]) См. рѣчь Die sieben Weltrathsel, s. 391.

[2]) Ibid. s 399.

метафизическая потребность сопровождаетъ его на всѣхъ стадіяхъ его развитія. Это не только реальная, но реальнѣйшая потребность, и, какъ всякая серьезная, возвышенная потребность, она должна быть удовлетворена, ибо въ противномъ случаѣ человѣкъ носилъ бы въ своемъ духѣ непримиримыя противорѣчія. Не прошло безвозвратно то, что постоянно въ насъ живетъ и дѣйствуетъ и нудитъ нашу мысль на размышленіе. Невозможность разрѣшенія указанныхъ загадокъ, какъ и другихъ подобныхъ, естественнонаучнымъ путемъ доказываетъ только, что въ разъясненіи ихъ мы должны стать на другой отличный отъ естественнонаучнаго путь—путь философіи. И послѣдняя, дѣйствительно, даетъ намъ отвѣты на эти загадки, хотя, конечно, и не такіе, чтобы они могли всѣхъ удовлетворить. Самъ врагъ метафизики А. Ланге въ первомъ изданіи своей „Исторіи матеріализма“ говоритъ: „понятіе матеріи было и остается предметомъ метафизики, и если думаютъ избѣгнуть его, то въ сущности избѣгаютъ послѣдовательныхъ и тонкихъ опредѣленій этого понятія у философовъ, чтобы предаться метафизикѣ общаго смысла, или же принять положенія, которыя только кажутся эмпирическими“ [1]). Тонкаго, послѣдовательнаго опредѣленія матеріи у философовъ самъ Ланге слѣд. не отрицаетъ. Если даже допустить, что философія не разрѣшила удовлетворительно указанныхъ загадокъ, какъ и другихъ подобныхъ, то, во всякомъ случаѣ, кто же осмѣлится утверждать, что философія исчерпала уже всѣ свои возможные рессурсы.

Представители „научной философіи“ говорятъ, что философія есть простой синтезъ обобщеній, добытыхъ естествознаніемъ; другаго предмета она не имѣетъ. Но развѣ, спросимъ, міръ, или дѣйствительность выражается простою совокупностью самыхъ высшихъ обобщеній астрономическихъ, геологическихъ, физическихъ, химическихъ, физіологическихъ и

[1]) Geschichte der Materialismus, 1 Aufl. s. 86.

т. п.? Міръ есть единое цѣлое и въ этомъ единствѣ, цѣлости, во внутреннемъ основаніи и смыслѣ и желаетъ понять его философія. Такой задачи естествознаніе не ставитъ и не можетъ ставить, ибо оно изслѣдуетъ только части дѣйствительности. Но иное дѣло изучать части цѣлаго, а иное—постигать цѣлое. Цѣлое равно своимъ частямъ, но не тожественно съ ними, ибо совокупностью этихъ частей выражается извѣстная, опредѣленная идея, которую нужно уразумѣть. Отсюда міръ, какъ цѣлое, при своемъ разсмотрѣніи, возбуждаетъ въ умѣ особые вопросы, ставитъ ему особыя задачи, наводитъ его на особыя соображенія. Міръ положительной науки есть міръ раздробленный, который извнѣ только горитъ безчисленными разноцвѣтными огнями, а внутри теменъ, пустъ, философія же стремится понять его смыслъ и жизнь. Не о двоякой истинѣ относительно одной и той же дѣйствительности идетъ здѣсь рѣчь, а о двоякой точкѣ зрѣнія, съ которой должна быть разсматриваема дѣйствительность.

Но философія, какъ уже отчасти видно изъ сказаннаго, имѣетъ своимъ предметомъ не только дѣйствительное, что̀ есть, но и долженствующее быть. Это долженствующее быть естественнонаучная философія, конечно, отбрасываетъ, такъ какъ оно, какъ не данное въ опытѣ, не можетъ составлять, по ея мнѣнію, предмета знанія. Но неужели идеалы истины, добра и красоты суть пустые и праздные предметы? Неужели, частнѣе, вопросъ о благѣ или счастьи, которымъ такъ усердно всегда занималась философія, не имѣетъ никакого смысла и значенія? Долженствующее быть, нормативное вытекаетъ необходимо изъ законовъ духа, на нихъ покоится, ими обусловливается, а не есть что нибудь химерическое, и потому оно не только можетъ, но и должно быть предметомъ изслѣдованія.

Положимъ, утверждаютъ другіе, философія, въ силу своего особаго предмета и задачи, имѣетъ самостоятельное существованіе на ряду съ естествознаніемъ; она является неизбѣжною

въ умственной жизни человѣчества и съ нею поэтому всегда придется считаться. Но нельзя забывать, что философія, выключая, пожалуй, изъ нея теорію познанія или теорію науки, есть совершенно своеобразная область умственной жизни человѣка, стоящая въ непримиримой противоположности съ естествознаніемъ, и потому послѣднее всячески должно быть отъ нея ограждаемо. Противоположность эта главнымъ образомъ вытекаетъ изъ того, что философія опирается на умозрѣніи, естествознаніе же утверждается, какъ извѣстно, всецѣло на опытѣ. Философія по тому самому пользуется методомъ дедуктивнымъ, спекулятивнымъ, естествознаніе же—методомъ индуктивнымъ, эмпирическимъ. По существу своему, взятая въ цѣлости, философія есть дѣло субъективнаго творчества, естествознаніе же—результатъ строго объективнаго изслѣдованія. Къ этому прибавляютъ, что философія говоритъ о цѣляхъ въ природѣ, даетъ, значитъ, мѣсто телеологическому способу объясненія, естествознаніе же не допускаетъ иного способа объясненія, кромѣ чисто механическаго. „Философы вообще имѣютъ совершенно различный отъ естествоиспытателей складъ мышленія и потому всякое соприкосновеніе съ философіею можетъ быть лишь пагубно для изслѣдованія природы“. О благотворномъ вліяніи философіи на естествознаніе можетъ вести рѣчь только гордость и заносчивость философовъ, на самомъ же дѣлѣ метафизическая философія убивала въ корнѣ всякое здоровое, эмпирическое изслѣдованіе [1]).

---

[1]) Гуго-фонъ-Моль; Бертелло (Science et philosophie, Paris, 1886, p. 1—40); Р. Вирховъ (Vier Reden uber Leben und Kranksein, Berlin, 1862); Н. Любимовъ (Исторія физики, С.-Петербургъ, 1892, стран. 5 6 35. 36. 37 и др.) Ср. Kreyenbühl, Die Bedeutung d. Philosophie, s. 3. 4. 18; Abendroth, Das Problem d. Materie, Leipzig, 1889, Bd. 1. s 73; Н. Иванцовъ, Отношеніе между философіею и наукою (Вопросы философіи и психологіи, кн. 2, стран. 25—39). О такомъ взглядѣ на философію и естествознаніе, высказываемомъ въ предшествующее болѣе раннее время, см. у Бемера: Geschichte der Entwickellung d. naturwissensch. Weltanschauung in Deutschland, Gotha, 1872, s. 180 if. Совершенно раздѣляетъ философію отъ наукъ эмпирическихъ Тобіасъ (Grenzen

Защищая раньше метафизическую философію, мы вовсе не думали утверждать, что философія должна опираться исключительно на одномъ умозрѣніи. Безспорно, умозрѣніе, какъ разработка духомъ своего собственнаго содержанія по неизмѣнно присущимъ ему законамъ, есть великое орудіе философіи; на одномъ опытѣ философія не можетъ быть построена, ибо опытъ всегда носитъ характеръ единичный, частный. Но, съ другой стороны, умозрѣніе, оторванное отъ почвы опыта, является совершенно безплоднымъ. Нельзя построять теорію познанія безъ вниманія къ фактическимъ дѣйствованіямъ мышленія; нельзя создавать этику, отрѣшившись отъ фактическихъ дѣйствованій воли. Элементъ идеальный и реальный, субъективный и объективный должны идти въ философіи рука объ руку, восполняя и провѣряя другъ друга. Никакая истинная философія не можетъ игнорировать богатыми сокровищами знанія, доставляемаго опытными науками, и та философія должна быть отвергнута, которая стоитъ въ противорѣчіи съ опытомъ. Философъ беретъ исходнымъ пунктомъ опытное и идетъ къ сверхъопытному, которое не стоитъ, по его мнѣнію, въ противорѣчіи съ опытнымъ, а, напротивъ, только одно и можетъ его объяснить; изъ найденнаго принципа онъ дѣлаетъ выводы, что̀ составляетъ важнѣйшую часть философской работы, провѣряя какъ самый принципъ, такъ и выводы изъ него не только ихъ логическою мыслимостью, или не-мыслимостью, но и ихъ согла-

---

der Philosophie, constatirt gegen Riemann und Helmholtz, vertheidigt gegen v. Hartmann und Lasker, Berlin, 1875).

Р. Вирховъ говоритъ, что знаніе есть нѣчто текучее и только вѣра имѣетъ преимущество во всякій моментъ быть постоянною. Всякое знаніе, основанное на опытѣ, неполно, страдаетъ пробѣлами, а такъ какъ духъ стремится къ завершенному знанію, то онъ строитъ системы, опирающіяся на умозрѣніи. Область философіи есть область трансцендентнаго и кто вступилъ въ эту область, для того никакіе научные споры не существуютъ. Другаго объясненія, кромѣ механическаго, естествознаніе не признаетъ и не можетъ признавать (Vier Reden uber Leben und Kranksein. Vorrede, s. 2, а также первая рѣчь Uber die mechanische Auffassung des Lebens, s. 12. 14. 23. 24. 27).

сіемъ, или не-согласіемъ съ тою цѣлью, для которой они служатъ, т. е. быть объясненіемъ дѣйствительности, или нормативомъ ея. Можно не соглашаться въ данномъ случаѣ съ посылками и заключеніемъ философа, но нельзя отрицать, что онъ идетъ чисто научнымъ путемъ. Выводить умозрительно законы и явленіяприроды философія не должна, въ какую крайность впала, какъ извѣстно, Шеллинго-Океновская натурфилософія. Мы знаемъ a priori, что въ природѣ господствуетъ законъ причинности, но установка частныхъ отдѣльныхъ законовъ явленій есть дѣло естествознанія, какою работою должна пользоваться философія. Съ другой стороны, и естествознаніе станетъ на ложный путь, если оно будетъ вторгаться въ область философіи,—пытаться своими средствами рѣшать философскія проблемы.

О значеніи опыта въ философіи хорошо говоритъ Г. Ульрици. „Философія рѣшительно не допускаетъ никакого простаго предположенія, но старается научно обосновать даже предполагаемое бытіе внѣшнихъ предметовъ, равно какъ наше собственное мышленіе и процессъ, изъ котораго возникаютъ сознаніе, представленія, мнѣнія, познанія. Она не довольствуется раскрытіемъ такъ называемыхъ частныхъ истинъ, т. е. подтвержденіемъ тѣхъ случаевъ, когда мы должны принимать согласіе нашихъ представленій съ реальнымъ бытіемъ. Философія стремится къ познанію истины во всей ея цѣлости,—истины, какъ принципа, опредѣлающаго существованіе и свойства предметовъ, значитъ той высокой истины, которая одна только заслуживаетъ этого названія, такъ какъ содержаніемъ ея служитъ послѣдняя основа и высшая цѣль предметовъ и такъ какъ только этимъ путемъ возможно истинное познаніе о предметахъ. Но чтобы познать это послѣднее основаніе и цѣль предметовъ, прежде нужно узнать, что такое эти предметы въ ихъ непосредственномъ бытіи.

Только частное, только опытъ можетъ быть исходнымъ пунктомъ такого изслѣдованія“ [1]).

Если философія не можетъ пренебрежительно относиться къ опыту, то отсюда само собою понятно, что, на ряду съ дедуктивнымъ методомъ, въ ней долженъ имѣть мѣсто и методъ индуктивный. Мысль философа направляется на общее, единое, цѣлое, но нѣтъ общаго безъ частнаго, нѣтъ единства безъ единичнаго, нѣтъ цѣлаго безъ частей. Нужно теперь показать, что и естествознаніе пользуется не только индукціею, имѣющею въ области его первостепенное значеніе, но и дедукціею. Повидимому. это не нуждается и въ доказательствѣ, такъ какъ чѣмъ болѣе развиваются естественныя науки, тѣмъ болѣе получаетъ въ нихъ мѣсто дедуктивный процессъ, который истолковываетъ, развиваетъ и прилагаетъ результаты индукціи. Индукція приводитъ только къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ положеніямъ, собственно же точное знаніе даетъ дедукція, потому что дедуктивное доказательство не только опредѣляетъ фактъ причинной связи явленій, но указываетъ и основаніе такой связи. Извѣстно, что ученіе о спектральномъ анализѣ обосновывали индуктивнымъ путемъ Ньютонъ, Фраунгофъ и другіе, но честь открытія спектральнаго анализа принадлежитъ собственно Кирхгофу, такъ какъ онъ первый обосновалъ ученіе о спектральномъ анализѣ на общихъ механическихъ принципахъ теоріи волненія. Законъ природы имѣетъ характеръ простаго эмпирическаго обобщенія, пока онъ не выведенъ изъ закона болѣе общаго; только послѣ такой дедукціи онъ становится закономъ въ собственномъ смыслѣ и примѣненіе его бываетъ вполнѣ надежнымъ. Такъ, законы Кеплера получили полную ясность послѣ обоснованія ихъ на законѣ всемірнаго тяготѣнія; законъ поднятія воды въ насосѣ былъ вполнѣ понятъ послѣ объясненія его изъ закона давленія атмосфернаго воздуха. Такое широкое

[1]) Богъ и природа, Казань, 1867, т. 1, стран. 12—13.

приложеніе дедуктивнаго процесса въ естествознаніи прекрасно сознается защитниками „научной“ философіи, но только они дѣлаютъ отсюда тотъ совершенно невѣрный выводъ, что философія и естествознаніе не различаются по существу другъ отъ друга. Естествознаніе должно работать въ философскомъ духѣ, но это далеко не значитъ, что оно есть философія и можетъ собою замѣнить философію. Отмѣтимъ еще здѣсь слѣдующія черты естественнонаучной дедукціи, которыя обыкновенно мало останавливаютъ на себѣ вниманіе. Прежде всего нужно сказать, что не сама природа ставитъ естествоиспытателю вопросы, а естествоиспытатель предлагаетъ вопросы природѣ и ищетъ у нея на нихъ отвѣта. Наблюденіе и экспериментъ служатъ только вспомогательнымъ средствомъ для извѣстнаго мыслительнаго процесса; во всѣхъ случаяхъ имъ должна предшествовать мысль, идея и только тогда они могутъ имѣть значеніе. Знаменитый Либихъ говоритъ, что экспериментъ, которому не предшествуетъ теорія, или идея, въ такомъ же отношеніи находится къ естествознанію, въ какомъ звуки грубой дѣтской трещетки стоятъ къ гармонической, стройной музыкѣ [1]). Въ нѣкоторыхъ, затѣмъ, случаяхъ естествознаніе можетъ предвидѣть явленія природы, объективную реальность которыхъ впослѣдствіи завѣряетъ опытъ. Эта, такъ назовемъ, антици-

[1]) Lord Bacon par Justus de Liebig traduit de l'allemand par P. De-Tchihatchef, Paris, 1866, p. 113. 114.—Взгляды Либиха на философію заключаютъ въ себѣ немало ошибочнаго, но, относясь съ большимъ скепсисомъ къ „философамъ“, Либихъ высоко цѣнитъ „философію“, считаетъ себя ея другомъ. „Никто, говоритъ онъ, не въ состояніи, быть можетъ, лучше меня оцѣнить всю пользу умственной гимнастики, которую представляетъ изученіе логики и философіи и никто больше меня не скорбитъ объ индеферентизмѣ, даже презрѣніи, которое замѣчается въ нашихъ университетахъ къ этому изученію“. Хотя въ изслѣдованіи природы, въ медицинѣ и такъ называемыхъ техническихъ отрасляхъ, для которыхъ опытныя науки служатъ вспомогательными, прямое участіе философіи, безъ сомнѣнія, весьма незначительно, однако безъ такого участія „плоды этихъ наукъ никогда не достигли бы своей зрѣлости“ (Lord Bacon, p. 209. 210).

БИБЛІОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА Общественныхъ Наукъ

пація опыта возможна тамъ, гдѣ заключенія, выведенныя изъ гипотетическихъ предположеній, допускаютъ математическое обоснованіе. Поэтому примѣры подобныхъ антиципацій представляетъ механика и науки, наиболѣе приближающіяся къ ней по своему характеру—астрономія и оптика. Такъ, теоретическимъ путемъ, на основаніи извѣстныхъ особенностей движенія Урана, астрономъ Бессель предположилъ существованіе особой планеты, являющейся причиною этихъ особенностей, а ученые Адамъ и Леверье съ точностью вычислили мѣсто нахожденія этой планеты, ея орбиту, и впослѣдствіи опытъ совершенно подтвердилъ ихъ предположенія. Обыкновенно говорятъ, что мысль астрономовъ руководилась въ данномъ случаѣ такъ называемымъ индуктивнымъ методомъ *остатковъ*. Но развѣ—только въ томъ смыслѣ, что особенности движенія Урана изъ данныхъ эмпирическихъ условій *оставались* необъяснимыми; пониманіе, конечно, странное. Бессель и Леверье считаютъ причиною особенностей движенія Урана не *остающіяся* данныя эмпирическія условія, послѣ изслѣдованія другихъ данныхъ условій, которыя не могутъ быть такою причиною, а предполагаютъ новую, еще не извѣстную, причину для объясненія этихъ особенностей. Подобнымъ же образомъ, для объясненія движенія Сиріуса, Бессель, въ 1844 г., гипотетически призналъ существованіе особаго небеснаго тѣла—спутника Сиріуса, а нѣсколько позже, въ 1861 г., ученый Кларке нашелъ дѣйствительно въ предполагаемомъ мѣстѣ особую звѣзду. Примѣръ разсматриваемой дедукціи представляетъ и химія, въ которой математическій элементъ занимаетъ видное мѣсто. Нашъ русскій химикъ, проф. Менделѣевъ, пришелъ къ предположенію существованія и свойствъ нѣкоторыхъ еще неоткрытыхъ простыхъ тѣлъ такимъ, какъ извѣстно, образомъ. Онъ открылъ періодичность свойствъ въ рядѣ простыхъ веществъ, расположенныхъ по атомному вѣсу: съ увеличеніемъ вѣса плотность элементовъ постепенно увеличивается, а затѣмъ уменьшается и сообразно съ этимъ измѣняются и другія свойства. Такъ

какъ въ постепенно идущемъ рядѣ замѣчались пробѣлы, то онъ предсказалъ, что должны быть вещества со свойствами средними между предшествующимъ и послѣдующимъ [1]). И дѣйствительно, открытый въ 1876 г. Лекокомъ-де-Буа-Бодраномъ элементъ галлій вполнѣ соотвѣтствуетъ предполагаемому проф. Менделѣевымъ элементу eca-aluminium [2]), а найденный въ 1879 г. Нильсономъ элементъ скандій тожественъ, какъ доказано, съ признаннымъ Менделѣевымъ элементомъ eca-bor[3]).

Утвержденіе, что философія есть дѣло простаго субъективнаго творчества, имѣетъ такой смыслъ: „За обоими концами научной цѣпи человѣческій умъ всегда представлялъ себѣ существованіе новыхъ звѣньевъ. Тамъ, гдѣ онъ не знаетъ, непреодолимая сила побуждаетъ его строить и воображать, пока онъ не дойдетъ до начальныхъ причинъ.... Это построеніе необходимо, потому что каждый человѣкъ его повторяетъ, и создаетъ на свой ладъ, согласно своему разсудку и своему чувству, полную систему вселенной; но не должно обольщаться относительно характера этого построенія. Наука положительная разъ установлена—установлена на вѣки, между тѣмъ какъ наука идеальная безпрестанно измѣняется и всегда будетъ измѣняться“. Наука положительная опирается „на свою собственную достовѣрность, потому что она утверждаетъ лишь то, что дѣйствительно существуетъ и подлежитъ наблюденію“, рѣшенія же науки идеальной опираются преимущественно на личныя мнѣнія, здѣсь занимаетъ широкое мѣсто фантазія [4]).

---

[1]) Основы химіи, изд. 5, С.-Петербургъ, 1889, глава XV, стран. 448—473.

[2]) Lecoq-de-Bois Baudran, Charactères chimiques et spectroscopiques d'un nouveau métal le gallium (Compt. rend. Academie des sciences, Paris, t. LXXXI, 1876, p. 493).

[3]) Nilson, Sur le poids atomique et sur quelques sels caractéristiques du scandium. (Compt. rend. Academie d. sciences, Paris, t. XCI, 1880, p. 121).

[4]) Berthelot, Science et philosophie, p. 18. 37 38. 39. 40.

Послѣ того, что мы раньше сказали объ отношеніи умозрѣнія къ опыту, о методѣ философіи, теперь спросимъ только, къ чему это малодушіе, это недовѣріе къ познавательнымъ силамъ человѣка, это убѣжденіе въ возможности познанія только того, что подлежитъ наблюденію? Вѣдь, держась этой точки зрѣнія, можно заподозрить и достовѣрность положительной науки, такъ какъ послѣдняя опирается на той же общечеловѣческой умственной организаціи, что и философія. Необходимыя истины разума, составляющія основу философіи, направляющія философское мышленіе, суть истины несомнѣнныя, и скорѣе мы можемъ допустить возможность иного міра, отличнаго отъ нашего, и иныхъ въ немъ законовъ, чѣмъ признать недостовѣрность необходимыхъ истинъ, опирающихся на природѣ самого разума. Наши представленія о послѣднихъ основахъ явленій вовсе не произвольны, не суть дѣло творческой фантазіи, а къ представленію напр. абсолютной основы вещей мы приходимъ необходимо, путемъ строгаго доказательства. Что же касается того, что философскія системы постоянно смѣняютъ одна другую, запутываются въ противорѣчія, не обходятся безъ догадокъ, предположеній, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе трудность философскаго изслѣдованія. И развѣ естествознаніе можетъ похвалиться своею безусловною точностью? развѣ здѣсь нѣтъ мѣста предположеніямъ и догадкамъ? развѣ здѣсь одна гипотеза не уничтожаетъ другую, какъ тѣ семь сухихъ коровъ пожрали семь коровъ жирныхъ?... Возбуждаетъ противъ философіи недовѣріе то, что философскія системы носятъ на себѣ печать ихъ автора? Но какое же умственное произведеніе, какъ произведеніе живаго мыслящаго человѣка, свободно отъ этой печати, и развѣ это недостатокъ? И на образованіи естественонаучныхъ теорій замѣтно вліяніе личныхъ, индивидуальныхъ началъ ученыхъ, ихъ національности. Въ философіи, безъ сомнѣнія, есть творчество, философы—это великіе художники. Но въ какомъ смыслѣ? Въ томъ, что имъ наиболѣе свойственна синтезирующая, кон-

структивная работа мысли, и кто лишенъ этой способности широкаго синтеза, тотъ не можетъ быть и философомъ. Онъ можетъ быть ученымъ философомъ, который также относится къ истинному философу, какъ ученый эстетикъ къ настоящему художнику. Философскій геній можетъ быть возбуждаемъ и укрѣпляемъ философскими и научными студіями, но не можетъ быть ими созданъ. Творчество въ указанномъ смыслѣ болѣе необходимо въ философіи, чѣмъ въ положительной наукѣ, и это вполнѣ понятно, ибо познавать цѣлое, опредѣлять его со стороны идеальныхъ началъ, не тоже, что изучать, анализировать непосредственно данныя части. Не есть ли самая творческая тенденція естествознанія результатъ вліянія на него философіи, и не остались ли бы мы безъ этого вліянія при простой таблицѣ преемственности и сосуществованія фактовъ? Подъ творчествомъ можно еще разумѣть установленіе какого нибудь закона или принципа рядомъ безсознательныхъ процессовъ, не поддающихся анализу, упрежденіе слѣд. логической работы мысли. Такое творчество есть въ философіи, какъ имѣетъ оно мѣсто и въ положительной наукѣ. Построенія его бываютъ иногда блестящи, а если и ошибочны, то въ самой своей ошибкѣ они часто скрываютъ значительную долю истины и потому даютъ толчекъ къ новымъ изслѣдованіямъ.

Философія, утверждаютъ, наконецъ, проводитъ обыкновенно телеологическое объясненіе природы, естествознаніе же не признаетъ иного способа объясненія, кромѣ механическаго. Но послушаемъ, что говорятъ намъ объ объясненіи явленій природы нѣкоторые изъ видныхъ представителей современнаго естествознанія.

„Чѣмъ точнѣе, многостороннѣе и основательнѣе мы стремимся изслѣдовать жизненныя явленія,—пишетъ Бунге, профессоръ физіологической химіи въ Базелѣ,—тѣмъ болѣе мы приходимъ къ уразумѣнію того, что явленія, которыя мы считаемъ возможнымъ объяснить физически и химически, гораз-

до сложнѣе по своей природѣ и пока не поддаются никакимъ механическимъ объясненіямъ... Стоитъ только вспомнить развитіе нашего организма: благодаря непрерывному дѣленію происходятъ изъ одной—единственной яичной клѣтки всѣ тканевые элементы и, по мѣрѣ размноженія клѣтокъ чрезъ дѣленіе, они дифференцируются по принципу раздѣленія труда: каждая клѣтка достигаетъ способности отдѣлять извѣстныя вещества, притягивать и отлагать другія и такимъ образомъ принимать составъ, въ которомъ она нуждается для совершенія своихъ отправленій. О химическомъ объясненіи этихъ явленій нечего даже и думать... Я утверждаю, что всѣ явленія въ нашемъ организмѣ, которыя возможно объяснить механически, такъ же мало представляютъ собою жизненныя явленія, какъ движенія листьевъ и вѣтвей на покачиваемомъ вѣтромъ деревѣ, или какъ движеніе цвѣточной пыли, переносимой тоже вѣтромъ съ мужской тычинки на женскую... Если мы съ помощью скальпеля и микроскопа и успѣли разложить организмы на ихъ первоначальные элементы, если мы наконецъ дошли до простѣйшей клѣтки, то и тогда еще лежитъ предъ нами величайшая задача. Простѣйшая клѣтка, безформенная, безструктурная, микроскопически малая протоплазматическая капля обнаруживаетъ все еще всѣ существенныя жизненныя отправленія, какъ: питаніе, ростъ, размноженіе, движеніе... Каждая изъ микроскопическихъ безчисленныхъ клѣтокъ, составляющихъ нашъ организмъ, сама по себѣ представляетъ чудесное строеніе, микрокосмъ, отдѣльный міръ. Общеизвѣстенъ фактъ, что вмѣстѣ съ однимъ только „сѣмяннымъ животнымъ“, представляющимъ собою настолько малую клѣточку, что 500 милліоновъ такихъ клѣточекъ наполняетъ пространство не болѣе одной кубической линіи, переносятся съ отца на сына всѣ тѣлесныя и душевныя особенности. Если это дѣйствительно чисто механическій процессъ, то какъ безконечно чудесно должно быть строеніе атомовъ, какъ безконечно запутана игра силъ, какъ безко-

нечно сложны движенія въ этой малой клѣткѣ, которыя даютъ направленіе для всѣхъ позднѣйшихъ движеній и для развитія чрезъ цѣлыя поколѣнія!... Здѣсь физика, химія, анатомія ставятъ насъ въ совершенно безвыходное положеніе“ [1]).

Эргардтъ говоритъ, что при изученіи организмовъ мы встрѣчаемся съ механикою и телеологіею, потому что съ одной стороны организмъ есть совокупность матеріальныхъ частей извѣстной формы, а съ другой стороны только вліяніе телеологическаго принципа, въ формѣ специфически органическихъ силъ, ставитъ эти части въ гармоническое соотношеніе, производитъ то, что вещества, вредныя для организма, выталкиваются, а вещества, необходимыя для него, наоборотъ, притягиваются и распредѣляются тамъ, гдѣ организмъ наиболѣе въ нихъ нуждается. „Поскольку объясненіе природы опирается на твердыхъ и признанныхъ принципахъ механики, оно не стоитъ въ противорѣчіи съ телеологіею; въ противорѣчіи съ послѣднею объясненіе природы можетъ находиться въ томъ случаѣ, если оно не есть слѣдствіе принциповъ механики, а простая гипотеза, возникшая изъ иныхъ началъ, не заключающихся въ механикѣ“ [2]).

Физіологъ Пфлюгеръ доказываетъ, что явленія органической жизни находятся подъ господствомъ одного руководящаго принципа, заключающагося въ цѣлесообразнѣйшемъ обезпеченіи существованія организма. Основной законъ живой природы онъ формулируетъ такъ: „причина всякой потреб-

---

[1]) Бунге, Учебникъ физіологической и патологической химіи, перев. А Лесмана, Дерптъ, 1888, стран. 3. 6. 9. 11. Ср. А. Козловъ, Размышленія, вызванныя неожиданнымъ голосомъ изъ области естествознанія (Вопросы философіи и психологіи, кн. 1, стр. 51—82); Бородинъ, Протоплазма и витализмъ (Міръ Божій, 1894, Май); Гельмбахъ, Индивидуализмъ во свѣтѣ біологіи и современной философіи, перев. В. Соловьева, С.-Петербургъ, 1894; Gutberlet C, Der mechanische Monismus, eine Kritik der modernen Weltanschauung, Paderborn, 1893, s 67 ff.; Meyer I., Philosoph. Zeitfrage, Bonn, 1870, s 28. 29.

[2]) Gutberlet, s. 11—13.

ности живаго существа есть въ тоже время причина удовлетворенія этой потребности". Изученіе явленій природы вполнѣ подтверждаетъ глубокомысленныя слова Аристотеля, что „Богъ и природа ничего не производятъ напрасно" [1]).

Дюбуа-Реймонъ признаетъ, что „органическіе законы образованія не могли бы дѣйствовать цѣлесообразно, если бы изначала матерія не была создана цѣлесообразно" [2]). Правда, Дюбуа-Реймонъ прибавляетъ далѣе, что теорія Дарвина даетъ основаніе предполагать, что внутренняя цѣлесообразность органическаго образованія можетъ быть объяснена чисто механическимъ способомъ, изъ простаго необходимо дѣйствующаго стеченія обстоятельствъ, и потому проблему цѣлесообразности онъ не причисляетъ къ трансцендентнымъ проблемамъ. Но самъ же Дюбуа-Реймонъ сравниваетъ признающихъ теорію Дарвина съ утопающими, которые хватаются за дощечку (Planke) [3]), на дощечкѣ же теоріи Дарвина едва ли, думаемъ, естествознаніе въ силахъ разрѣшить разсматриваемую проблему.

Такъ, по признанію нѣкоторыхъ естествоиспытателей [4]), механизмъ является недостаточнымъ для объясненія явленій природы, особенно же явленій біологическихъ. Механическое объясненіе необходимо должно быть восполнено другимъ, т. е. телеологическимъ объясненіемъ. Великая ошибка, будто телеологія и механизмъ—принципы мірообъясненія, взаимно исклю-

---

[1]) Die teleologische Mechanik der lebendigen Natur, 2 Aufl., Bonn. 1877, s. 37 ff.

[2]) Reden, erste Folge, s. 392.

[3]) Тутъ, впрочемъ, Дюбуа-Реймонъ дѣлаетъ такую казуистическую оговорку. Признающихъ теорію Дарвина я сравнилъ, говоритъ онъ, съ утопающими, хватающимися не за *соломенку*,—какъ истолковали нѣкоторые мои слова,—а за *дощечку*. Между соломенкою же и дощечкою есть великая разница: хватающійся за соломенку утопаетъ, между тѣмъ обыкновенная дощечка (ordentliche Planke) спасла уже нѣсколько жизней. Reden, s 392. 393

[4]) Того же взгляда на механизмъ держатся Бергманъ, Лейкартъ, Мильне-Эдвардсъ и др.

чающіе другъ друга, и потому они должны оставаться рѣзко обособленными. Ошибка эта покоится главнымъ образомъ на неправильномъ понятіи о телеологіи, которая будто бы необходимо должна быть анти-кавзальною телеологіею. На самомъ же дѣлѣ разумъ осуществляетъ свои цѣли чрезъ извѣстное причинное соотношеніе, или чрезъ извѣстную механику; нѣтъ анти-причинной телеологіи, также какъ нѣтъ анти-цѣлесообразнаго механизма. Если останавливаются на изученіи частнаго, отдѣльнаго, то ближе и непосредственнѣе всего усматриваютъ при этомъ механику цѣлесообразности; умъ же философа, познающаго бытіе въ его совокупности, единствѣ, прежде и болѣе всего открываетъ въ бытіи цѣлеполагающую дѣятельность высочайшаго разума. Отъ этого происходитъ, что механическое объясненіе совершенно законно преобладаетъ въ естествознаніи, телеологическое же въ философіи. Философія и естествознаніе, какъ видимъ, здѣсь взаимно восполняютъ другъ друга, такъ какъ телеологія безъ механизма является необоснованною, лишенною конкретнаго содержанія, механизмъ же безъ телеологіи—утомительно скучное, безжизненное, незавершенное міробъясненіе [1]).

Предшествующими разсужденіями мы старались показать, что философія не можетъ быть сливаема съ естествознаніемъ, а образуетъ вполнѣ самостоятельную науку, и что, при своей самостоятельности, философія, какъ мы ее понимаемъ, вовсе не стоитъ въ непримиримой противоположности съ естествознаніемъ, а напротивъ мирится съ нимъ, и мало того: восполняетъ естествознаніе, вліяетъ на него, сама въ тоже время испытывая со стороны его вліяніе.

Обратимся теперь къ исторіи и подтвердимъ защищаемыя положенія нѣкоторыми историческими справками.

---

[1]) Телеологія не излишня иногда въ естествознаніи въ качествѣ эвристическаго принципа. Извѣстно, что Кювье, стоя на телеологической точкѣ зрѣнія, опредѣлилъ по одному зубу первобытнаго животнаго все его строеніе, и такимъ образомъ телеологія послужила здѣсь толчкомъ къ созданію науки палеонтологіи.

Становясь на эту точку зрѣнія въ рѣшеніи даннаго вопроса, мы необходимо встрѣчаемся съ такого рода соображеніями, высказываемыми теперь нѣкоторыми „На вопросъ, что за наука философія, древніе,—говоритъ А. Риль,—отвѣтили бы просто: наука. Въ древности, оставляя математику въ сторонѣ, не было, вѣдь, ни подлѣ, ни внѣ философіи иной кромѣ нея науки, да и на математику Платонъ смотрѣлъ только какъ на подготовку къ діалектикѣ или къ философіи, чѣмъ и подчинялъ ее, какъ служительницу, послѣдней. Аристотель, чей острый, удивительно способный на различенія и классификаціи умъ принялся уже дѣлить и области познанія, употребляетъ выраженіе философія всего охотнѣе во множественномъ числѣ и разумѣетъ подъ нимъ то, что мы обозначаемъ, говоря: науки. Правда, отъ всѣхъ прочихъ философій или наукъ онъ отличаетъ еще одну, *первую* философію, какъ самую общую науку, но ставитъ это различеніе въ зависимость отъ существованія особаго трансцендентнаго предмета изслѣдованій. Буде есть, говоритъ онъ, неподвижное существо, сущее нематеріально и отдѣльно отъ чувственныхъ вещей, то наука о немъ есть первая (первичная) философія; буде же такой субстанціи нѣтъ вовсе, то первою и самою объемчивою наукою выйдетъ физика.—Не можетъ быть сомнѣнія о томъ, какъ должны мы отнестись къ этой альтернативѣ. Вѣдь, если и существуетъ подобный предметъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть объектомъ научнаго изслѣдованія. Философія—вотъ наука грековъ, наука греческой эпохи вообще; тогда какъ новѣйшія науки въ своей совокупности составляютъ философію новыхъ народовъ и временъ..... Съ тѣмъ же взглядомъ, что философія и наука значатъ одно и тоже, встрѣчаемся мы... у такихъ мыслителей, которые преимущественно слывутъ философами,—... у Декарта и Лейбница... Подъ заглавіемъ „Философическіе опыты“ Декартъ... издалъ вмѣстѣ съ своимъ разсужденіемъ о методѣ: Діоптрику, сочиненіе о метеорахъ и Геометрію. Уже одно общее назва-

ніе столь разнороднымъ предметамъ, принадлежащимъ отчасти къ математикѣ, отчасти къ естествовѣденію, доказываетъ, что и Декартъ не знаетъ разницы между философіею и наукою. Положительныя науки, на его взглядъ, просто части философіи, или, какъ онъ выражается, человѣческой мудрости.... Излишне было бы доказывать, что и Лейбницъ не раздѣляетъ науки отъ философіи. Извѣстно, что многосторонній мыслитель этотъ занимаетъ въ исторіи математики и точныхъ наукъ еще болѣе видное мѣсто, нежели въ исторіи метафизической философіи, и потребна сильная предубѣжденность къ послѣдней, чтобы ставить его монадологическій эпосъ или даже его „Теодицею“ выше его строго научныхъ подвиговъ.... На примѣрѣ тѣхъ изслѣдователей и мыслителей, которымъ мы обязаны созданіемъ и первою разработкою новѣйшей науки (кромѣ Декарта и Лейбница Риль въ данномъ случаѣ ссылается еще на Гоббса), мы показали такимъ образомъ, что, по ихъ воззрѣнію, философія и наука должны означать одно, что они не знали никакой философіи подлѣ и внѣ науки, а именно науку и почитали новою философіею, заступившей мѣсто древней, въ особенности аристотелевско-схоластической... О распаденіи философіи съ наукою до совершенной противоположности ихъ между собою можно говорить лишь относительно того періода, который наступилъ въ Германіи послѣ Канта“ [1]).—Такія же разсужденія касательно отношенія философіи къ другимъ наукамъ мы встрѣчаемъ и у Паульсена [2]).

Такимъ образомъ разъединеніе философіи и науки, или, точнѣе передавая мысль Риля и Паульсена, претензія философіи на самостоятельное существованіе въ качествѣ науки, на ряду съ другими науками, обнаруживается только со времени Канта, а до сихъ поръ не знали никакой философіи,

---

[1]) Теорія науки и метафизика, стр. 2—12.

[2]) Paulsen, Einleitung in die Philosophie, s. 20—28; ср. De-Roberty, La philosophie du siècle, p. 44.

какъ особой науки. Удивительное открытіе, ясно показывающее, до чего можетъ дойти въ своихъ разсужденіяхъ предвзятая мысль. Никто не станетъ отрицать, что слово φιλοσοφία, φιλοσοφεῖν не было сначала техническимъ терминомъ: „философствовать“ значило вообще стремиться къ образованію, развитію своего духа [1]), или, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, въ эпоху софистовъ, предаваться какому нибудь теоретическому, научному занятію, составляющему занятіе по профессіи [2]). Въ древне-греческую эпоху философія дѣйствительно не раздѣлялась строго отъ науки, а философіею исчерпывалась наука, и древніе греческіе философы назывались σοφοί, σοφισταί, φυσικοί, φυσιολόγοι [3]). Философія, по самому широкому ея опредѣленію, понималась, какъ исканіе вообще знанія, стремленіе къ мудрости [4]). Но уже у Платона, на ряду съ широкимъ опредѣленіемъ философіи [5]), встрѣчается и болѣе узкое, по которому философія есть особая наука. Именно, по Платону, философія есть знаніе истинно сущаго, неизмѣннаго, всегда тожественнаго, саморавнаго. Только тотъ, кто созерцаетъ самую красоту, самую справедливость, не останавливаясь на отдѣльныхъ проявленіяхъ красоты, или справедливости, всегда несовершенныхъ,—только тотъ философствуетъ [6]). Философія имѣетъ дѣло съ самою истиною, какъ она есть [7]). Въ діалогѣ „Хармидъ“ Пла-

---

[1]) Herod. 1 20, гдѣ Крезъ говоритъ Солону: я слышалъ, ὡς φιλοσοφέων γῆν πολλὴν θεωρίης εἵνεκεν ἐπελήλυθος. — Thuc. II, 40, гдѣ Периклъ въ своей надгробной рѣчи говоритъ: φιλοκαλοῦμεν γὰρ μέτ' εὐτελείας καὶ φιλοσοφοῦμεν ἄνευ μαλακίας.

[2]) Xenoph. Memorab. IV, 2, 23; Conv. 1, 5; Cyrop. VI, 1, 41.—Isokrat. Paneg. c. 1.

[3]) Diog Laert. 1, 12 sqq.

[4]) Diog. Laert. 1, 12.—Cic. Tusc. V, 3.—Quintil. Inst. Orat. 1, 19.

[5]) Theaet 143 D.; Gorg. 484 C; Prot. 335 D; Lys. 213, D; Conv. 203 E; и др.

[6]) Rep. V, 479—480; VI. 484 B; Phaedr. 247 D.

[7]) Parmen. 134 A: Οὐκοῦν καὶ ἐπιστήμη, αὐτὴ μὲν ὅ ἔστιν ἐπιστήμη, τῆς ὅ ἔστιν ἀλήθεια αὐτῆς ἂν ἐκείνης εἴη ἐπιστήμη.

тонъ говоритъ, что „всѣ прочія искусства суть знанія не себя, но чего нибудь другаго“; „одна только разсудительность (подъ которою разумѣется здѣсь философія) есть знаніе не того, или другаго, но себя и прочихъ знаній, даже самого незнанія“ [1]). А въ „Республикѣ“ Платонъ разъясняетъ, что математика и другія сродныя съ нею науки опирается на предположеніяхъ, въ которыхъ она не считаетъ нужнымъ давать отчетъ, какъ въ общепризнанныхъ; философія же идетъ отъ предположеній къ непредполагаемому [2]). Несомнѣнно, что математика имѣетъ подготовительное значеніе въ отношеніи къ философіи, но самостоятельность ея у Платона вовсе не уничтожается; необходимо только, чтобы геометры и астрономы, и счетчики (алгебраисты), если они благоразумны, предоставляли пользоваться своими открытіями діалектикамъ [3]).—Риль не могъ, конечно, не указать, что Аристотель отличаетъ „первую философію“ отъ прочихъ „философій“, или наукъ; но чтобы избѣгнуть возникающаго затрудненія, Риль прибѣгаетъ къ положительно страннымъ разсужденіямъ. Для него „первая философія“ или метафизика не есть особая наука, ибо трансцендентное не можетъ быть вовсе предметомъ научнаго изслѣдованія. Но, вѣдь, намъ совершенно нѣтъ нужды справляться здѣсь съ мнѣніемъ нѣмецкаго философа: по ученію Аристотеля, „первая философія“ или метафизика есть наука высочайшая, самая цѣнная, ибо знаніе, доставляемое ею, всеобъемлющее, наиболѣе достовѣрное, хотя оно пріобрѣтается и съ великимъ трудомъ [4]).—Лучше обосновываетъ въ данномъ случаѣ свой взглядъ Паульсенъ, который говоритъ, что Ари-

---

[1]) Charm. 166. B.

[2]) Rep. VII, 510. 511. Ср. Rep. VII, 533, C: ἡ διαλεκτικὴ μέθοδος μόνη ταύτῃ πορεύεται, τὰς ὑπόθεσις ἀναιροῦσα ἐπ' αὐτὴν ἀρχήν и дал.

[3]) Euthyd. 290, B: οἱ δ' αὖ γεωμέτραι καὶ οἱ ἀστρονόμοι καὶ οἱ λογιστικοὶ.... παραδιδόασι δήπου τοῖς διαλεκτικοῖς καταχρῆσθαι αὐτῶν τοῖς εὑρήμασιν, ὅσοι γε αὐτῶν μὴ παντάπασιν ἀνόητοι εἰσιν.

[4]) Methaph. I, 2.

стотель первый классифицировалъ знаніе и систематически разрабатывалъ отдѣльныя науки—„логику, физику, психологію, космологію, зоологію, метафизику, этику, политику, экономику, риторику, поэтику, какія науки въ своей совокупности и образуютъ его философскую систему и внѣ философіи не существуетъ никакой науки въ собственномъ смыслѣ“ [1]) Но что, спрашивается, удивительнаго въ такомъ универсализмѣ философіи Аристотеля? Аристотель установилъ извѣстные философскіе принципы и провелъ ихъ систематически чрезъ всю совокупность тогдашняго знанія. Иначе и быть не можетъ: при своей самостоятельности, философія имѣетъ готъ отличительный характеръ, что она есть наука общаго, цѣлаго, но нѣтъ, какъ мы раньше сказали, общаго безъ частнаго, нѣтъ цѣлаго безъ частей; наука цѣлаго такъ или иначе вліяетъ на частныя науки. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно, почему Декартъ говоритъ, что написанные имъ философскіе трактаты должны носить такое общее названіе: „Проэктъ всеобщей науки, способной поднять нашу природу на высшую ступень ея совершенства“. „Діоптрика“ же, „Метеоры“ и „Геометрія“ имѣютъ, по нему, значеніе въ качествѣ образцевъ приложенія методы всеобщей науки къ оптикѣ, метереологіи и геометріи [2]). Декартъ ясно отличаетъ философію отъ другихъ наукъ, когда въ „Разсужденіи о методѣ“ пишетъ: „Мнѣ нравилась математика вѣрностью и очевидностью разсужденій... Я чтилъ богословіе... О философіи скажу одно: видя, что она съ давнихъ временъ разрабатывается превосходнѣйшими умами и, не смотря на то, нѣтъ въ ней положенія, которое не было бы предметомъ споровъ и, слѣд., не было бы сомнительнымъ, я не нашелъ въ себѣ столько самоувѣренности, чтобы надѣяться на большій успѣхъ, чѣмъ

[1]) Einleitung. s. 22.

[2]) Письмо къ Мерсену, Мартъ, 1636 (Oeuvres philosophiques de Descartes publiées par L. Aimé—Martin, Paris, 1838, p. 548).

другіе... Касательно другихъ наукъ, насколько онѣ заимствуютъ начала отъ философіи, я полагалъ, что на столь непрочныхъ основаніяхъ нельзя ничего построить крѣпкаго“ [1]).—О Лейбницѣ самъ Риль выражается такъ, что, по всему видно, онъ считаетъ его сколько великимъ ученымъ, столько же и философомъ, но только заслуги Лейбница, какъ философа, Риль ставитъ ни во что, признавая его монадологію простымъ эпосомъ.—Если говорятъ, что только со времени Канта философія выступаетъ въ качествѣ самостоятельной науки, то разумѣютъ, конечно, при этомъ изслѣдованіе Кантомъ условій познавательной дѣятельности. Но, вѣдь, гносеологическая проблема далеко не новая; Кантъ далъ ей только болѣе глубокую постановку и сообразно этому болѣе вѣрное ея рѣшеніе.

При своей самостоятельности, метафизическая философія не одинъ разъ оказала естествознанію немаловажныя услуги, что обыкновенно опускаютъ изъ виду, и вліяніе метафизики на естествознаніе усматриваютъ только въ построеніи послѣднимъ всякихъ нелѣпыхъ, ничего не объясняющихъ теорій или гипотезъ.

Значеніе для естествознанія древнѣйшей греческой философіи, т. е. философіи до—софистической никѣмъ, кажется. не можетъ быть оспариваемо. Обратимъ вниманіе на слѣдующее. Пиѳагорейцы признали сущностью вещей число: свойства чиселъ суть, по нимъ, свойства вещей и отношенія чиселъ суть отношенія міроваго бытія. Выходя изъ этого ученія, пиѳагорейцы установили, правда, немало чисто произвольныхъ, бездоказательныхъ положеній, но великая, неотъемлемая заслуга ихъ та, что они первые предугадали математическую формулировку закономѣрности природы и такимъ образомъ положили начало математической физикѣ. Въ связи съ числовою теоріею стоятъ также ихъ астрономическія по-

[1]) Oeuvres, p. 35. 36.

знанія, безспорно поразительныя для того времени, каково ихъ ученіе о шарообразности земли, ея движеніи вокругъ центральнаго огня, затмѣніи солнца, луны и т. п.—Гераклитъ ефесскій проводитъ ученіе, что все течетъ, безпрестанно измѣняется, подобно рѣкѣ, въ которой вновь прибывающія волны оттѣсняютъ прежнія. Ничто, по нему, не остается такимъ, какимъ оно есть, а все переходитъ въ свою противоположность: изъ жизни происходитъ смерть, а изъ смерти—жизнь; молодое старѣется, старое же дѣлается молодымъ; бодрствующее засыпаетъ и спящее опять пробуждается; что было видимо, становится невидимымъ, и наоборотъ; великое дѣлается малымъ и малое великимъ. Однако, этотъ потокъ вѣчнаго движенія совершается въ опредѣленныхъ, всегда повторяющихся формахъ: есть все подчиняющая себѣ Εἱμαρμένη, всевластная Δίκη или, что тоже, есть извѣстный порядокъ измѣненій, извѣстный ритмъ движенія. Такимъ образомъ Гераклитъ устанавливаетъ понятіе о законѣ, хотя, правда, въ неясной, неразвитой еще формѣ.—Эмпедоклу агригентскому принадлежитъ первенство въ образованіи столь важнаго для развитія естествознанія понятія объ элементѣ, какъ однородномъ, качественно неизмѣнномъ веществѣ, подлежащемъ только соединенію, или раздѣленію. Въ ученіи его о любви и враждѣ, изъ которыхъ первая соединяетъ, вторая же раздѣляетъ элементы, виденъ зародышъ отдѣленія силы отъ матеріи. О происхожденіи организмовъ Эмпедоклъ говоритъ такъ, что предвосхищаетъ до нѣкоторой степени современную теорію развитія, на что указывалось уже не одинъ разъ [1]): сложные организмы образовались, по нему, изъ простыхъ; приспособленнымъ формамъ жизни предшествовалъ рядъ не-

[1]) См. напр. A. Wigand, Der Darwinismus und die Naturforschung Newtons und Cuviers. Beiträge zur Methodik d. Naturforschung und z. Speciesfrage, Braunschweig, 1876, Bd. II, s. 72.—Knauer, Die Hauptprobleme der Philosophie, Wien und Leipzig, 1892, s. 36. 37.

приспособленныхъ и потому выжившихъ.—По ученію Анаксагора, въ основѣ бытія лежатъ качественно различныя другъ отъ друга перво-вещества, не измѣняющіяся, не возникающія и не уничтожающіяся. Перво-вещества эти дѣлимы, но, какъ бы далеко мы ни продолжали ихъ дѣленіе, они распадаются опять на однородныя части. Въ этомъ случаѣ, справедливо замѣчаетъ Виндельбандъ, „Анаксагоромъ предугадывается химическое понятіе элемента“ [1]).—Демокритъ, наконецъ, является основателемъ атомистической теоріи, имѣющей въ естествознаніи столь важное значеніе. Атомы, по его ученію, недѣлимы, неизмѣнны, однородны, различаются между собою не качественно, а количественно, именно своею формою, величиною и тяжестью. Нельзя не поставить здѣсь ясно на видъ, что ни Пиѳагоръ, ни Эмпедоклъ, ни Анаксагоръ, ни Демокритъ не были естествоиспытателями, какъ склонны на нихъ смотрѣть защитники естественнаучной философіи, а были философами и философами метафизиками, потому что ихъ вниманіе было направлено къ познанію сверхчувственной основы вещей и при установленіи своего ученія они руководились не опытомъ только, но и метафизическими соображеніями. Атомистическая теорія,—что особенно въ данномъ случаѣ для насъ важно,—выросла не на почвѣ опыта, или наблюденія, а является результатомъ метафизическаго анализа понятія бытія, которое не можетъ быть, по Демокриту, ни безусловно тожественнымъ, неизмѣннымъ, лишеннымъ движенія, ни безусловно текучимъ, подвижнымъ, измѣняющимся, а должно соединять въ себѣ тѣ и другія опредѣленія. Опытнымъ путемъ атомистическая теорія и не можетъ быть утверждена, такъ какъ „атомъ никогда не былъ предметомъ нашего чувства и, по самымъ вѣроятнымъ предположеніямъ, никогда имъ и не будетъ; слѣд. атомъ не есть понятіе эмпирическое,

[1]) Исторія древней философіи, перев. слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ подъ ред. проф. А. Введенскаго, С.-Петербургъ, 1893, стран. 70.

но умозрительное, а различные виды его существованія, которые мы подразумѣваемъ, разсуждая о немъ, образуютъ нѣчто умопостигаемое“ [1]). Современная атомистика безспорно во многомъ отличается отъ древней—демокритовской, но метафизическаго своего характера, справедливо говоритъ Ланге, она не потеряла и связь ея съ атомистикою древнихъ не можетъ быть отрицаема [2]).

О значеніи для естествознанія философіи Платона и Аристотеля прекрасно говоритъ Александръ Гумбольдтъ въ своемъ „Космосѣ“. „Въ высокомъ уваженіи Платона къ математическому развитію и обоснованію мыслей, а равно въ морфологическихъ взглядахъ Стагирита, обнимающихъ всѣ организмы, лежатъ какъ бы зародыши всѣхъ позднѣйшихъ успѣховъ естествознанія. Эти философы были путеводною звѣздою, которая надежно руководила человѣческимъ умомъ, при всѣхъ заблужденіяхъ фанатизма темныхъ вѣковъ; они не дали истощиться здоровой, научной силѣ духа“. Приведенныя слова А. Гумбольдта можно противопоставить теперешнимъ, иногда высказываемымъ, взглядамъ на философію Платона и Аристотеля, по которымъ эта философія вредно вліяла на развитіе естествознанія, даже въ корнѣ подрывала всякое эмпирическое изслѣдованіе; Платоново—Аристотелевское міровоззрѣніе движется, говорятъ, въ сферѣ иллюзій, „непроходимыхъ отвлеченностей“, просто—въ пустомъ пространствѣ [3]). Странно! Неясна, какъ видно, утверждающимъ это сущность греческаго генія, который никогда безусловно не разъединялъ субъективнаго отъ объективнаго, идеальнаго отъ реальнаго, въ какую крайность иногда впадаютъ новые

---

[1]) Л. Лопатинъ, Положительныя задачи философіи, Москва, 1886, ч 1, стран. 38.

[2]) Ланге А, Исторія матеріализма, перев. Н. Н. Страхова, С.-Петербургъ, 1883, т. 2. стран. 163 и дал,

[3]) Н. Любимовъ, Исторія физики, С.-Петербургъ, 1892, стран. 61. 62. 70, Ланге А. Исторія матеріализма, 1881, ч. 1, стр. 58, 59.

философы. Что мысль Платона движется преимущественно въ мірѣ сверхчувственномъ, умопостигаемомъ, этого нельзя отрицать; міръ бытія идеальнаго, вѣчнаго, неизмѣннаго есть, такъ сказать, истинное отечество духа Платона, на которомъ онъ успокаивается. Но однако Платонъ не пренебрегаетъ опытомъ: внѣшній міръ имѣетъ, по нему, реальное существованіе; онъ есть отображеніе идей и потому возводитъ нашу мысль къ міру сверхчувственному; истинная діалектика требуетъ, по Платону, указать посредствующія ступени между понятіемъ, какъ единствомъ, и явленіемъ, какъ множествомъ [1]). Нельзя, далѣе, отвергать, что у Аристотеля эмпирическое изслѣдованіе переплетается часто съ діалектическимъ. Но въ общемъ система Аристотеля построена на самомъ широкомъ опытномъ фундаментѣ, ибо въ опытѣ Аристотель видѣлъ предварительное условіе мышленія. Защитники иллюзорности философіи Платона и Аристотеля сами себя опровергаютъ, когда говорятъ, что „новая наука вышла изъ Платоново-Аристотелевой школы“, что „Платоново-Аристотелевское міровоззрѣніе есть великій фактъ въ исторіи науки, имѣющій значеніе, далеко выходящее за сферу собственно философскихъ знаній, и знакомство съ нимъ необходимо для полнаго пониманія современныхъ ученій о природѣ“ [2]).

Заслуги для естествознанія основателя новой философіи Декарта не могутъ быть отрицаемы, если принять во вниманіе ту перемѣну, которую онъ произвелъ своею философіею въ объясненіи природы. Въ вѣкъ Декарта алхимія, астрологія, магія имѣли значительную силу надъ умами. Для объясненія явленій природы въ ихъ натуральномъ теченіи охотно прибѣгали къ предположенію какихъ то тайныхъ силъ, говорили о скрытыхъ качествахъ, аппетитахъ, гармоніи и т. п. „Ученіе о природѣ было наводнено понятіями, заимствован-

[1]) Phileb. 16, C. sqq; Rep. VI, 510. 511.

[2]) Н. Любимовъ, Исторія физики, стран. 61.

ными изъ области духовной жизни человѣка. Внутреннія человѣческія качества: влеченіе, желаніе, симпатія и антипатія, ощущенія пріятнаго и непріятнаго и тому подобныя, цѣликомъ переносились въ область природы. Говорилось... о душѣ міра, о землѣ, какъ организмѣ, рождающемъ тѣла, о ея движеніи при помощи фибръ, дѣйствующихъ, какъ мускулы. Всѣ движенія и перемѣны въ матеріальномъ мірѣ объяснялись свойствомъ, характеризующимъ духовное начало—имѣть волю и представленіе.... Кирхеръ приписывалъ магниту болѣзни, училъ, что магнитный камень не любитъ чесноку и, натертый имъ, теряетъ силу, но, напротивъ, какъ царь камней, любитъ красный цвѣтъ и въ пурпуровой обверткѣ притягиваетъ сильнѣе... Великій Кеплеръ разсматривалъ землю, какъ органическое существо, живущее, рождающее. Для объясненія неустаннаго ея вращенія около оси, онъ, въ сочиненіи Epitome Astronomiae Copernicanae, прибѣгаетъ къ гипотезѣ о „душѣ міра“, какъ движущей причинѣ и о земныхъ фибрахъ, помощью которыхъ она оказываетъ дѣйствіе“ [1]). Какое же теперь громадное различіе между этою мистическою физикою и механическою физикою Декарта, объясняющею всѣ явленія матеріальнаго міра изъ протяженія и движенія. Различіе же объясняется метафизическими взглядами Декарта. Послѣдній призналъ духъ и вещество противоположными субстанціями: сущность духа образуетъ мышленіе, сущность вещества—протяженіе; все поэтому, что совершается въ области духа, должно быть выводимо изъ аттрибута мышленія, а все, что происходитъ въ мірѣ вещественномъ, должно быть понимаемо, какъ видоизмѣненіе аттрибута протяженія. Природа такимъ образомъ противопоставлена сознанію, какъ простой объектъ, при изслѣдованіи котораго нѣтъ мѣста созданіямъ фантазіи, различнымъ субъективнымъ построеніямъ.

---

[1]) Н. Любимовъ, Философія Декарта, С.-Петербургъ, 1886, стран. 192. 197; ср. Bouillier, Histoire de la philosophie cartésienne, Paris, 1859, v. 1, p. 1—20.

Дюбуа-Реймонъ свою рѣчь „Мысли Лейбница въ новомъ естествознаніи“ заканчиваетъ такими словами: „о многомъ, что мы считаемъ своимъ, не давая себѣ строгаго отчета въ накопленныхъ своихъ сокровищахъ, Лейбницъ, по прошествіи двухъ вѣковъ, могъ бы сказать въ твердомъ сознаніи духовнаго предначинателя сдѣланнаго: это духъ отъ моего духа и мысль отъ моихъ мыслей“ [1]). Можно здѣсь отмѣтить, что Лейбницъ, благодаря своему динамическому пониманію природы, ввелъ въ естествознаніе впервые законъ сохраненія силы, вполнѣ развитый и обоснованный уже современнымъ естествознаніемъ. Монадологія его, понятая, правда, своеобразно [2]), содѣйствовала развитію и скорому принятію ученія о молекулахъ, что признаетъ такой авторитетный физіологъ, какъ Іоганнъ Мюллеръ [3]). Оптимизмъ Лейбница сказался въ современномъ естествознаніи принятіемъ положенія, обоснованнаго теперь, конечно, на чисто механическихъ началахъ, что міръ представляетъ вездѣ maximum совершенства, потому что между свойствами органическихъ существъ и

[1]) Reden, erste Folge, s. 54.

[2]) Ученые восемнадцатаго столѣтія не проводили яснаго различія между монадами Лейбница и физическими пунктами или малѣйшими матеріальными частицами. Къ такому смѣшенію отчасти далъ поводъ самъ Лейбницъ, когда онъ говоритъ: „Каждую часть матеріи можно представлять, какъ садъ, полный растеній, или прудъ, полный рыбъ. Но каждая вѣтвь растенія, каждая часть животнаго, каждая капля его соковъ представляетъ собою опять такой же садъ, или прудъ. И хотя земля и воздухъ, которою питаются растенія, и вода, въ которой находятся рыбы, не могутъ быть, конечно, сами названы растеніями или рыбами, но тѣмъ не менѣе они ихъ въ себѣ заключаютъ,—по большей части въ невоспринимаемой нами малости“. Что Лейбницъ понималъ въ метафизическомъ смыслѣ, тому придали смыслъ физическій, и если не пытались прямо открыть монады съ помощью микроскопа, во всякомъ случаѣ думали, что онѣ или нѣчто подобное имъ могутъ быть наблюдаемы, когда въ каждой инфузоріи микроскопъ обнаружилъ присутствіе множества малыхъ, повидимому, простѣйшихъ живыхъ существъ. Du-Bois-Reymond, Reden, 1 Folge, s. 42. 43.

[1]) Handbuch der Physiologie, Coblenz, 1840, Bd. II, s 555; ср. Du-Bois-Reymond, Reden, 1 Folge, s. 46. 56.

условіями ихъ жизни замѣчается отношеніе, которое можно назвать отношеніемъ вполнѣ приспособленнаго равновѣсія.

О вліяніи критической философіи Канта на многихъ естествоиспытателей, каковы недавно умершій Гельмгольцъ [1]), Классенъ, Рокитанскій и другіе, не говоримъ, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о вліяніи на естествознаніе кантовской теоріи познанія, мы же отстаиваемъ не ту философію, которая исчерпывается одною теоріею и критикою познанія.

Съ другой стороны, необходимо признать и вліяніе естествознанія на философію,—фактъ, само собою понятный въ той философіи, которая не чуждается опыта, и вліяніе это наиболѣе замѣтно на такъ называемой натурфилософіи. Не касаясь частностей, что завело бы насъ очень далеко [2]), отмѣтимъ здѣсь только слѣдующія общія черты вліянія естествознанія на философію.

---

[1]) См. его сочиненія: Ueber das Sehen des Menschen, 1856—рѣчь въ Кенигсбергѣ, при открытіи памятника Канту (см. Гельмгольца Vortrage und Reden, Braunschweig, 1884, Bd. I. s. 367–396); Die Thatsachen der Wahrnehmung, Berlin, 1879 (см. Vorträge, Bd. II); Physiologische Optik, 1886 и др.

[2]) Не можемъ всетаки не отмѣтить здѣсь интереснаго факта вліянія, произведеннаго на Локка Ньютоновскимъ открытіемъ закона всемірнаго тяготѣнія. Вліяніе это выразилось въ признаніи Локкомъ мысли о матеріальности человѣческой души, при чемъ Локкъ разсуждалъ такъ. Сила притяженія между частями матеріи, составляющая несомнѣнный фактъ, не можетъ быть выведена изъ существа самой матеріи, потому что нѣтъ необходимой связи между идеею матеріи, какъ протяженной, вещественной субстанціи, и идеею силы притяженія Значитъ, нужно допустить, что сила притяженія вложена въ матерію Богомъ. Если же такъ, то нѣтъ никакого противорѣчія предположить, что матеріи могла быть сообщена всемогущимъ Богомъ и сила мышленія. „Самъ Локкъ ставитъ въ связь мысль о матеріальности души съ перемѣною, произведенною въ его воззрѣніяхъ Ньютоновскимъ открытіемъ. Такъ, во второмъ отвѣтѣ епископу ворчестерскому читаемъ: „Да, я говорю, что тѣла дѣйствуютъ чрезъ толчокъ и никакъ иначе. И такъ я думалъ, когда писалъ это (т. е, II, VIII, 11), ибо не могъ еще понять тогда никакого другаго способа ихъ дѣйствія. Но затѣмъ несравненная книга разсудительнаго Ньютона убѣдила меня, что является слишкомъ смѣлымъ—ограничивать силу Божію въ этомъ пунктѣ моими узкими понятіями. Тяготѣніе матеріи къ матеріи не понятными для меня путями доказываетъ, что Богъ можетъ, если Ему угодно, вложить въ тѣла такія силы и способы

Новая философія начала свое существованіе не безъ воздѣйствія на нее, хотя косвеннаго, новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній, каковы открытіе Америки, изобрѣтеніе книгопечатанія, открытіе воднаго пути въ Индію, особенно же переворотъ въ астрономіи, совершенный Коперникомъ. Эти открытія и изобрѣтенія дали смѣлый полетъ новой философской мысли, пробудивши потребность самостоятельнаго изслѣдованія, независимаго отъ установившихся авторитетовъ. Они побудили къ пересмотру, провѣркѣ міровоззрѣнія древнихъ, ибо если послѣдніе могли ошибаться въ своихъ космологическихъ взглядахъ, что было очевидно; то почему не допустить, что они заблуждались и въ рѣшеніи другихъ вопросовъ. Замѣна теоріи гео-центрической теоріею геліо-центрическою не есть только великое астрономическое открытіе, но въ тоже время фактъ, имѣющій громадное философское значеніе: это было торжество разума надъ грубыми показаніями чувственной точки зрѣнія, которой довѣряли до сихъ поръ. Сознавши свои права, желая дѣйствовать самостоятельно, разумъ, очевидно, долженъ былъ опредѣлить свои силы, свои способности, вѣрные пріемы своей дѣятельности,—узнать, чего онъ можетъ достигнуть и чего не можетъ, и какъ лучше можетъ. Это ближайшая, непосредственная задача самосознающаго философскаго разума, и вотъ почему новая философія преимущественно занимается рѣшеніемъ гносеологической проблемы. Однако и здѣсь нельзя отрицать вліянія на новую философію естествознанія. Сознавши свои права, разумъ дѣйствовалъ въ познаніи и объясненіи различныхъ частей природы и дѣй-

---

дѣйствій, которые не могутъ быть выведены изъ нашей идеи тѣла, или объяснены изъ того, что мы знаемъ о матеріи; мало того, оно является безспорнымъ и всюду наблюдаемымъ фактическимъ доказательствомъ, что Богъ и сдѣлалъ такъ .. Мы не можемъ понять, какъ матерія можетъ мыслить,—я допускаю это. Но выводить отсюда, что Богъ не могъ дать матеріи способности мышленія, значитъ говорить, что всемогущество Божіе ограничивается узкими предѣлами человѣческаго пониманія" (В. Серебренниковъ, Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности, С.-Петербургъ, 1892, стран. 193—196).

ствовалъ энергично; факты естествонаучнаго знанія умножались, положительныя науки возрастали съ поразительнымъ успѣхомъ. Безъ сомнѣнія, это усиливало потребность изслѣдованія познавательной дѣятельности, ея условій, границъ, методовъ познанія. Но случилось и такъ, что, отдавшись всецѣло своимъ частнымъ дѣйствованіямъ въ изученіи дѣйствительности, разумъ забылъ о своихъ внутреннѣйшихъ, глубочайшихъ потребностяхъ; онъ пришелъ къ тому, что этими частными дѣйствованіями можно и даже должно ограничиться; онъ потерялъ вѣру въ себя, онъ потерялъ жизнь. Съ такимъ направленіемъ мысли, исключающимъ всякую философію въ собственномъ смыслѣ, мы считаемся и въ настоящее время [1]).

Правильный синтезъ философіи и естествознанія есть, можно сказать, одна изъ важнѣйшихъ, настоятельнѣйшихъ задачъ нашего времени. Нельзя сливать философію съ естествознаніемъ, говорить только о естественнонаучной философіи, ибо философія имѣетъ свой особый предметъ и особую задачу, обезпечивающую всѣ права ея на самостоятельное существованіе; высшіе метафизическіе вопросы нашего ума всегда давали и даютъ о себѣ знать самымъ настоятельнымъ образомъ, и естествознаніе не можетъ считать ихъ праздными. Нельзя, съ другой стороны, и разрывать философію и естествознаніе, потому что это значитъ причинять существенный вредъ и той, и другому. Философія тогда легко теряетъ изъ виду объективный міръ,—пытается конструировать его apriori, предъявляетъ горделивую претензію, чтобы въ изслѣдованіи дѣйствительности не она сообразовалась съ дѣйствительностію, а дѣйствительность сообразовалась съ нею; все, что не укладывается тогда въ ея апріорныя конструкціи, она легко выбрасываетъ, счи-

---

[1]) Нѣкоторыя хорошія замѣчанія о вліяніи естествознанія на философію можно находить въ сочиненіяхъ: *Windelband*, Geschichte d. neueren Philosophie in ihrem Zusammenhange mit der allgemeiner Cultur und d. besonderen Wissenschaften, Bd. I, 1878; Bd. II, 1880 и *Papillon*, Histoire de la philosophie moderne dans ses rapports avec les sciences de la nature., Paris, 1876, v, 2.

тая его призрачнымъ, или же дѣлаетъ для вмѣщенія его въ свои рамки всякія подтасовки. Идеалистическая германская философія, съ ея попытками апріорно строить дѣйствительный міръ, съ ея горделивыми притязаніями на абсолютное знаніе, немало отвѣтственна въ потерѣ многими уваженія къ метафизической философіи. Но и естествознаніе, оторванное отъ философіи, вступившее съ нею во вражду, немало, если не больше, теряетъ. Пусть оно изслѣдуетъ небо въ его высотѣ и землю въ ея глубинѣ, пусть оно расширяется, накопляетъ неизмѣримый матеріалъ знанія, но что пользы, если надъ этимъ матеріаломъ не работаетъ высшая философская мысль,—не просто только сводящая этотъ матеріалъ къ единству, но пользующаяся имъ при разрѣшеніи совершенно самостоятельныхъ великихъ проблемъ бытія и жизни. Въ настоящее время часто слышишь: фактовъ, фактовъ больше,—фактовъ новыхъ, свѣжихъ,—фактовъ безъ конца. Что же? Неужели наука, вмѣсто того, чтобы быть органическимъ цѣлымъ, обратится въ простое собираніе, нѣкоторымъ образомъ протоколъ фактовъ?.. Оторванное отъ философіи, естествознаніе не въ силахъ содѣйствовать истинному возвышенію, облагороженію духа, какую цѣль непремѣнно должно имѣть знаніе, а оно можетъ только изсушить нашъ духъ. Идеальный элементъ въ наукѣ необходимъ; безъ него нельзя обойтись. Не даромъ же теперь жалуются на грубый практицизмъ жизни, на исчезновеніе возвышенныхъ, идеальныхъ интересовъ. Философія и естествознаніе должны быть не соперниками, тѣмъ болѣе не врагами, постоянно борющимися и желающими поразить другъ друга, а добрыми друзьями, помогающими другъ другу въ осуществленіи намѣченной цѣли. Не о поглощеніи философіи естествознаніемъ и не о разрывѣ ихъ должна идти рѣчь, а о ихъ правильномъ, гармоническомъ взаимодѣйствіи. Философія охотно и добровольно должна признать, что естествознаніе имѣетъ полное право на самостоятельное существованіе и что богатыми сокровищами доставляемаго имъ знанія она не можетъ пренебрегать. Но и естествознаніе, съ своей стороны,

должно согласиться, что само по себѣ, съ его познаніемъ дѣйствительности, оно является недостаточнымъ, и что нужна та наука, безъ существованія которой оно обратилось бы въ простое многознаніе. Въ великомъ организмѣ науки цѣлое не уничтожаетъ частей и само ими не уничтожается: философія, какъ наука о общемъ, цѣломъ, образующимъ способомъ дѣйствуетъ на положительныя науки, сама испытывая со стороны ихъ дѣйствіе. Будемъ надѣяться, что теперешніе враги ближе присмотрятся и поймутъ другъ друга, а потому примирятся, сложатъ оружіе и начнутъ дружную совмѣстную работу въ осуществленіи великой цѣли науки.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР